

Деревенские пустыри: места сопричастности и картография «призраков» ландшафта сельской депопуляции¹

Ф. С. Корандей

Федор Сергеевич Корандей, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет. 625003 Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: f.s.korandey@utmn.ru

Аннотация. Интерпретация данных мобильных интервью, производившихся в сельском Приисетье летом 2022 года, позволяет выявить в ландшафте сельской депопуляции «места сопричастности» (термин И-Фу Туана), малозаметные для внешнего наблюдателя, но обладающие повышенным значением для местных жителей. Работа следует постфеноменологической оптике социальных наук, понимающей культурный повседневный ландшафт как единый процесс взаимной трансформации, порождающей как телесно-воплощенный опыт человека, так и формы социальности. Второй теоретический источник работы — тексты культурной географии, посвященные связям повседневного ландшафта и человеческой памяти, в частности «географии призрачного», исследующие зыбкость границы между присутствующим и отсутствующим в материальности повседневных ландшафтов, и в нарративах, им посвященных. Метод работы — мобильные интервью с местными жителями, производившиеся на открытой местности. Цель статьи — показать возможности, которые открывает попутное документирование и последующее картографирование архивов мобильных интервью. Кейсы, рассмотренные в основной части статьи, посвящены структурообразующей роли «мест сопричастности» в формировании стандартных нарративов репрезентации места. Как показывают мобильные интервью, именно раскрытие для нового слушателя этих мест, важных для повседневной жизни людей в данном ландшафте, но малозаметных для посторонних, формирует основу обычных путевых нарративов. Таким образом, места, часто выпавшие из активного повседневного использования, но обладающие большим эмоциональным и опытным значением для местных сообществ, имеют статус «призраков» — фрагментов ушедшего прошлого, тем не менее деятельно участвующих в современной жизни депопулирующего сельского поселения.

Ключевые слова: «места сопричастности», мобильные интервью, место, сельская депопуляция, повседневный культурный ландшафт, география «призраков», культурная география, социальная антропология

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-23-44

1. Исследование поддержано грантом РФФИ № 20-05-00592 А.

Благодарности. Я выражаю глубокую признательность начальнику отдела по работе с территориями Исетского муниципального района Оксане Фоминой и всем нашим информантам за помощь в организации и проведении полевой работы, глубоко признателен анонимным рецензентам журнала за советы и рекомендации.

На углу центральной улицы — место, где «ничего не ведется». Накануне Первой мировой, сказал Н., там начали строить церковь, но не успели закончить, в тридцатых — обычный фольклорный нарратив! — кирпичи разобранной церкви увезли, чтобы возвести первые цеха молокозавода, потом было что-то еще, но все не стало. И т. д. Весь этот угол — совершенно не примечательный для постороннего взгляда пустырь, позади которого возвышаются старые тополя. Дома я обнаружил, что даже его не сфотографировал (из полевого дневника автора, Омутинский район, 14.06.2022 г.).

Процессы сжатия освоенных территорий и концентрации населения в крупных городских центрах России, движимые не только статистически наблюдаемыми процессами, но и целенаправленной административной политикой, формируют характерные повседневные ландшафты агломерационной периферии (Аверкиева и др., 2021; Нефедова, 2021; Фадеева и др., 2021: 16-32). Отток населения, реструктуризация сельскохозяйственной экономики и *post factum* реагирующие на эти вызовы административные реформы, призванные нормализовать трансформирующуюся социальную реальность, отражаются на внешнем виде поселений, повседневных практиках и дискурсах тех, кто в них проживает. Как изучать этот культурный ландшафт? В последние годы, принимая участие в экспедициях проекта, посвященного периферии агломераций Среднего Урала и Зауралья (Корандей и др., 2021), я занимался апробацией программы такого исследования. Фундаментальной задачей проекта, осуществлявшегося в том числе на депопулирующих аграрных территориях, было описание повседневного культурного ландшафта как в терминах его «чтения» с точки зрения «внешнего» эксперта, так и в терминах его «проживания» с точки зрения местных жителей. Проблема соединения этих перспектив, имеющая этические и эпистемологические последствия, решалась нами при помощи качественных подходов социальной антропологии и общественной географии, таких как описание жизни в ландшафте с точки зрения процессов восприятия и средового обучения, воплощающихся в телесных практиках (Ingold, 2000: 27, 191), и понимание географического места как насыщенной опытом, эмоциями и смыслом встречи человека с миром (Relph, 1976; Tuan, 1979; Geertz, 1996; Cresswell, 2019; Каганский, 2020). Представленная ниже статья должна быть отнесена к работам, посвященным разработке полевого инструментария качественного исследования культурного ландшафта «на земле», выступающего необходимым дополнением к синтетическим количественным, строящимся на анализе статистики и картографии (Баскин и др., 2022; Шелудков, Старикова, 2021). Помимо этой прикладной цели, мы с коллегами также имели в виду социальную насущность обновления практик репрезентации национального сельского ландшафта, дополняя академический анализ элементами «креативной хорографии», использующей

инструменты интерпретации и репрезентации, а также телесно-воплощенный опыт и эмоции вовлеченного в процесс проживания места исследователя. Наш очерк одной из полевых находок, сделанных в ходе проекта, — один из результатов такой «двойной» оптики, направленной на развитие наблюдательности исследователя повседневных культурных ландшафтов, стремящегося задействовать как академические, так и эссеистические способы репрезентации, изобразить увиденное в его живости и непосредственности.

В техническое задание проекта входили качественная методология, полилокальность и мобильность экспедиций, в этих условиях оказались полезными методы мобильного интервью. За последние три года автор принял участие в нескольких десятках прогулок, проводившихся людьми, желавшими показать исследователям места своего проживания. Повторяющиеся сценарии, формирующие характерный для любого полевого исследователя опыт — ступив на какую-то землю, через некоторое время вы уже идете по ней в компании местного жителя, обращающего ваше внимание на вещи, которые этого достойны, — позволяют сделать некоторые обобщения.

В статье, основу которой составили материалы полевого сезона 2022 года, собранные в ходе экспедиций, проводившихся к югу от Тюмени (главным образом в Приисетье, но также и в некоторых других местах староосвоенной сельской местности на широте Приисетья), я хотел бы обратиться к обычным сценариям презентации местными жителями своих поселений. И, в частности, показать, каким образом несложный набор современных технических средств документации совместной прогулки способен расширить картину пустующего ландшафта за счет значимых *невидимого* и *отсутствующего*, позволить нанести на карту «*призраки*», в изобилии населяющие нарративы наших информантов.

Теоретические рамки работы

В своем подходе к культурным повседневным ландшафтам я, во-первых, следую постфеноменологической оптике общественных наук. Центральная для этой работы идея восходит к работам американского географа И-Фу Туана. Утверждая, что место это не только функция физического расположения в пространстве, но феномен человеческого опыта и эмоций, он подразделял места на те, особый смысл которых считывается легко любым человеком («*общественные символы*», public symbols), и те, чей смысл обыкновенно скрыт от посторонних, но открыт инсайдерам, связанным с местом отношениями глубокого знакомства и привязанности (используя перевод И. И. Митина, «*места сопричастности*», fields of care) (Tuan, 1979: 412-419; Митин, 2022: 107-108). Понимание специфики инсайдерского взгляда и формирование собственных отношений знаком-

Рис. 1. Экспедиции проекта «Провоцирующие ландшафты», 2020–2022 гг. В красной рамке — места экспедиций лета 2022 г., которым посвящена настоящая работа.

ства с местом — насущный интерес любого полевика. Иными словами, некоторым местам нужно учиться. В этой связи для меня были также важны практические следствия работ Т. Ингольда и его коллег, соединивших феноменологические идеи гуманистической географии И-Фу Туана с открытиями экологической психологии, исследующей процессы средового обучения. Земная поверхность и человеческая деятельность понимаются в рамках этой теории как единый процесс коммуникации, порождающей как телесно-воплощенный опыт индивидуумов, так и формы социальности (Ingold, 2011: 47). Совместное передвижение, ходьба и прогулки (walking) как феномен сонстройки ландшафта и культуры — ключевая проблема ингольдовской теории. Комментируя классический текст антрополога Клиффорда Гирца, повествующий о том, как происходило вхождение автора в поле исследований петушинных боев на Бали (Гирц, 2017: 5-14), Т. Ингольд и Дж.Л. Верганст отметили, что благодаря совместному со своими будущими информантами бегству от полицейского рейда этот антрополог пережил одновременно и акт телесного воплощения в ландшафте (до этого жители деревни упорно не хотели замечать его присутствия), и акт соучастия, став членом запрещенного властями, но фундаментального для деревенских азартного сообщества (Ingold, Vergunst, 2006: 67-68). Для нашей темы важен, в частности, момент взаимной обусловленности физического движения в ландшафте и нарратива, которым оно сопровождается. Если это так, и прогулка, по край-

ней мере, в определенных контекстах, может быть отождествлена с нарративом, то как соотносятся слова и шаги? Чему соответствуют элементы повествования — собственно движению или остановкам на пути? Какое отношение к этому имеет материальность ландшафта и телесно-аффективное состояние гуляющих? (Ingold, Vergunst, 2008: 5-10).

Второй теоретический источник этой работы — тексты культурной географии, посвященные связям повседневного ландшафта и человеческой памяти, в частности такому аспекту этого взаимодействия, как «*география призрачного*» (spectral geographies). Эта традиция культурной географии, по крайней мере с 2002 года (Holloway, Kneale, 2008: 297) разрабатывающая проблематику значимых «*невидимого*» и «*отсутствующего*» в повседневном ландшафте (Upton, 1997; Edensor, 2008; Wylie, 2009; Frers, 2013; Hill, 2013), исследует призрачное не столько в его антропологическом «сверхъестественном» смысле, как вторжение иного мира в дела живых, сколько с точки зрения деятельного присутствия в современных ландшафтах элементов прошлого, часто вполне земных и обыденных, однако в силу свойственного для них анахронизма порождающих при проникновении в привычный порядок вещей характерные аффекты — тоску по утрате или тревогу, связанную с быстротечностью жизни. Близкая таким популярным темам социальных наук, как исследования «*мест памяти*», чувства места, коллективной ностальгии, «*география призрачного*» занимается именно тем феноменом, который интересует нас в данном случае, — зыбкостью границы между присутствующим и отсутствующим как в материальности повседневных ландшафтов, так и в нарративах, им посвященных (Holloway, Kneale, 2008). В нашем случае важен сам статус такого «*призрачного*», выражающегося в характерных «исторических» отсылках повседневного нарратива. Является ли оно признаком характерных пространств, таких как мемориалы, «темные» туристические аттракционы, индустриальные «заброски», депопулирующие деревни, или эти «*призраки*» вездесущи?

Наконец, третья область нашего исследовательского вдохновения — методы мобильного интервью и связанная с ними рефлексия (Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019; Evans, Jones, 2011; Kusenbach, 2003; Macpherson, 2006; McDonald, 2005). Прогулки с местными, осуществлявшиеся в ходе наших экспедиций, обычно могли быть охарактеризованы как биографическое сопровождающее интервью на открытой местности (go-along; см.: Kusenbach, 2003). Хотя очень часто артикулируемой целью этих прогулок был показ-места-для-других (здесь мы используем терминологию замечательной работы (Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019)), на практике всегда ощущался оттенок субъективного места-для-себя и нормальной для ситуации знакомства самопрезентации на фоне места. Тяготеющие к формальной «объективности» повествования экскурсии были в нашей практике редкостью. Мы, как правило, не искали по-

мощи специалистов — за небольшими исключениями, все наши информанты не были профессионалами репрезентации места, но принимали на себя эту функцию в силу личного знакомства, обычного «снежного кома» знакомств, возникающих в поле, ответственной должности, вроде имама или главы сельского поселения, или даже, last but not least, в результате случайной встречи на улице.

Протокол и техническое оснащение этого постоянного элемента исследовательской программы складывались непросто — на каком-то этапе для нас стала очевидна эвристическая ценность документирования процесса не только при помощи привычных аудиозаписи, фотографирования и полевого дневника, но и посредством GPS-трекинга, позволяющего впоследствии связать с картой не только процесс физического перемещения гуляющих, но и сопровождавший его нарратив. «Повседневное может происходить еще до того, как разум успеет его осмыслить» (Stewart, 2007: 63; здесь и далее переводы цитат наши. — *Ф. К.*). Существенно позже самого поля, уже не в ландшафте как таковом, но на этапе разбора экспедиционных архивов, я по-настоящему осознал проблему, которой посвящена эта статья: лавинная доля нарратива, сопровождавшего наши прогулки, была не об актуальном состоянии ландшафта, но о его прошлом. Начав искать в экспедиционном фотоархиве места, на которых, судя по диктофонной записи и GPS-трекеру, мы иногда проводили больше всего времени, я часто не находил их, или находил на периферии кадра — в поле нам и в голову не приходило фотографировать эти заросшие углы сельских улиц, иногда лишенные даже руин.

«Призраки» повседневного ландшафта и акселерация наблюдательности

Теория, отождествляющая движение в ландшафте с практическим познанием (путешествие — это форма мышления, так же как мышление — форма путешествия, см.: Ingold, Vergunst, 2008: 3-4), — есть способ преодоления отрыва репрезентации (то есть образа места) от предмета референции (места как такового), характерного для постмодернистских и конструктивистских исследований путевых нарративов, сводящих их до стереотипов, порожденных коллективными дискурсами, классовыми и групповыми представлениями (Westphal, 2007). Когда вы находитесь в поле, вопрос о релевантности озвучиваемых вашими собеседниками репрезентаций места, коллективным дискурсам, нормам и объективным выражениям, едва ли актуален — на первый план выходят статус информанта, особенности исполнения предписанной ему роли в конкретном пространстве, возможность наблюдать конкретные действия, предпринимаемые им в этой ситуации. Осуществляемая при помощи диктофона и GPS-трекера акселера-

Рис. 2. «Призрак» старого деревенского центра на периферии кадра, д. Лобанова, 3 июля 2022 г.

ция наблюдательности одного из участников прогулки позволяет, не отвлекаясь от коммуникации как таковой, в фоновом режиме фиксировать ускользающие от непосредственного взгляда практические действия, создающие процессуальность совместной прогулки. Важную роль в этой процессуальности играют объекты (феноменолог сказал бы — вещи), встречающиеся на пути. Последующая работа с материалами прогулки, нанесение их на рабочую карту, свидетельствуют, что проводник, особенно на этапе первичной презентации места, работает как эхолот, непрерывно сканирующий ландшафт вокруг себя, идентифицирующий возникающие впереди по ходу движения достойные внимания объекты, и вплетающий их в свой нарратив.

Приведенные ниже примеры иллюстрируют типичные сценарии таких событий: 1) пешую прогулку экскурсионного типа, 2) сопровождающую прогулку без специально артикулированной цели репрезентации, 3) безостановочное автомобильное путешествие из места в место, сопровождаемое потоком коммуникативных реакций информанта на выплывающие навстречу объекты. Проделанный при помощи прилагаемых схем анализ этих событий, как кажется, представляет собой наглядное подтверждение того, насколько важную роль играют в этих путешествиях «исторические» отсылки к существовавшим когда-то вокруг реалиям, отражающие укорененность информантов в конкретном ландшафте, их опытную и эмоциональную вовлеченность в продолжительные процессы, скрытые от случайного наблюдателя. «Призраки» исчезнувших или изменившихся мест, так же как и случайные характерные прохожие, представляют собой динамичную систему вовлеченной ориентации в пространстве, без описания которой понимание специфики местной жизни, вероятно, не будет полным.

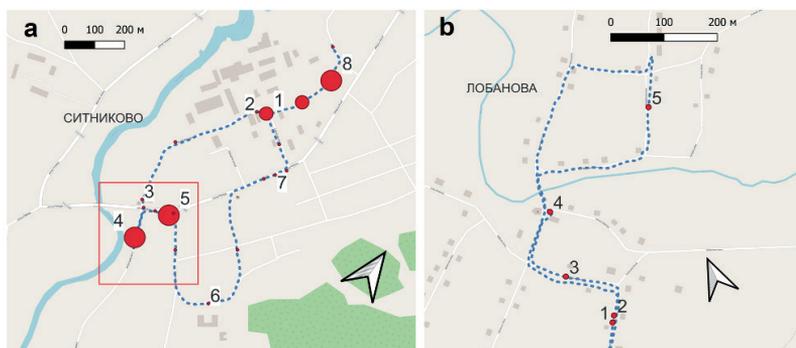

Рис. 3. Маршруты прогулок в Ситниково и Лобанову, 13 июня и 3 июля 2022 г.

Пример 1. Ситниково, Омутинский район Тюменской области, 13 июня 2022 г.

Пешие интервью с двумя местными уроженцами среднего возраста (около 40 лет) продолжительностью 1 час 20 минут и длиной 2,6 километра. Информанты пытались показать постороннему самые важные точки села: маршрут начинался в ключевом месте центра, близ проходной местного градообразующего предприятия — Ситниковского молокозавода (рис. 3а-1) и Дома культуры (рис. 3а-2), и касался нескольких стандартных достопримечательностей, в частности сельсовета (рис. 3а-3), мемориала павшим односельчанам (рис. 3а-5) и школы (рис. 3а-6), и возвращал гостя, слабо ориентирующегося в местной топографии, к началу пути.

Пешеходная прогулка представляет собой чередование переходов от места к месту и остановок в местах, которые осмысляются как особо значимые. В этих местах гостю показывают то, что, по мнению проводника, он обязательно должен увидеть. Наиболее важные места, вероятно, требуют больше внимания, чем обычные. Совместное использование GPS-трекера и диктофона позволило мне впоследствии восстановить хронологическую иерархию таких остановок и нанести на карту те места, в которых мы оставались дольше всего (размер красной точки означает длительность остановки по отношению к продолжительности всей прогулки). Как выяснилось, дольше всего в ходе этой прогулки мы говорили о местах, на которых сейчас нет никаких построек. Выделенный на схеме красный исторический центр села, с одной стороны которого открывается вид на занятую заросшими огородами излучину реки Солоновки (т.н. *Калугу*, рис. 3а-4), а с другой — расположен сельский военный мемориал (рис. 3а-5), представляет собой пустую площадь, в центре которой стоит заброшенный железный киоск, позади вздымаются старые тополя, служившие в тот вечер местом вороньих свадеб. Речь в основном шла о зданиях, когда-то стоявших на этом месте:

Инф. 1: «Ателье, парикмахерская, сапожник, короче, вот тут все... Это центр села, самый старый считается. Вот, где вот кусты — это старый сельсовет... Здание до сих пор стоит, дом жилой... Здесь был дом священника, последнего, Василия, стоял перед революцией. На этом месте, вот где сейчас стоит магазин вот этот, тут, значит, стояла церковь Ситникова... Интернат тут стоял, заросший тополями. Вот тут афиша была обычно. Коля, художник, который рисовал афиши, тут жил... Здание церкви сгорело в пятидесятых годах, а на этом месте, на этом же фундаменте, поставили опять здание, оно интернатом стало. Интернат сгорел, построили на этом месте рынок. Рынок сгорел. Поставили на этом месте в перестройку вот магазин, «железяка» обзывали в народе, торговли никакой нет. Вот так все и стоит... На этом месте ниче не ведется».

Ностальгический нарратив, уделявший большее внимание не актуальным, но исчезнувшим постройкам, когда-то стоявшим на деревенских улицах, был постоянной чертой экскурсии. Отчасти это объяснялось краеведческими интересами одного из моих чичероне, но лишь отчасти. Его односельчанка, гулявшая с нами, отдавая должное знаниям нашего провожатого, охотно поддерживала эту тональность, как, например, в разговоре о давно исчезнувшей пельменной (рис. 3а-7):

Инф. 2: А вот там вот была пельменная... Все рабочие в обед ходили в пельменную обедать... Ох, как там красиво было, дурилагом они накладывали... порции сразу тебе.

Инф. 1: При заводе была и своя столовая, а все желающие могли и сюда... Стойка такая большая была, бочка с пивом с краном стояла, конусы с соком были, буфет такой...

Соб.: А сейчас такого места вообще нет?

Инф. 2: Нету, нету.

Инф. 1: Там есть возле завода столовая, но такого... Вот где эти плиты лежат, вот тут была, значит...

Инф. 2: Пельменная...

Инф. 1: Большое такое здание было, с крыльцом с таким, с выходом с открытым, с такой с верандой...

Другой точкой, которой мы уделили время, фактически большее, чем посвященное современной гордости села и экономической основе его существования — молокозаводу компании «Золотые луга»,

были почти незаметные в ландшафте развалины старой сельской бани (рис. 3а-8). Информант 2 вспомнила, что когда-то она пользовалась среди односельчан высоким спросом, но затем случилась авария, и ее отец, исполнявший тогда обязанности председателя колхоза, был вынужден «выбивать» у вышестоящего начальства новую. Информант 1 поведал, что в 1998 году чудом избежал смерти во время этой аварии — взрыва парового котла, разрушившего здание. Ситниково — большое село, преуспевающий центр агропрома, «перспективная по развитию территория» (Инф. 1), страдает от депопуляции куда меньше, чем многие другие, — здесь есть производство, участковая больница, работающая школа и даже планы строительства новой. Тем не менее это и ландшафт ностальгии — выражения сильных эмоциональных связей жителей села со своей родиной. Свидетельство той же эмоциональной связи — краеведческий подвиг одного из информантов, который, поработав в архивах, добавил к памятникам односельчанам, погибшим во время кулацкого восстания 1921 года и Великой Отечественной, стелу, перечисляющую имена ситниковцев, участвовавших в Первой мировой войне (рис. 3а-4).

**Пример 2. Лобанова, Исетский район Тюменской области,
3 июля 2022 года**

Пятнадцатиминутная прогулка по деревне Лобанова 3 июля 2022 года соответствовала определению сопровождающего (go-along) интервью (Kusenbach, 2003). Мы следовали за нашей собеседницей путем, который она проделывает едва ли не ежедневно. Специальной цели показать деревню, таким образом, не ставилось, и остановки были крайне редки, однако, не будучи экскурсией как таковой, маршрут, в силу собравшей нас вместе коммуникативной ситуации, использовался для того, чтобы рассказать приезжим о деревне. Лобанова — небольшое сельскохозяйственное поселение, серьезнейшим образом пострадавшее от аграрной депопуляции, наша собеседница была местной уроженкой, живущей в этом ландшафте более полувека, с самого детства. «Естественным» образом путь с правого на левый берег р. Ирюм происходил среди призраков былого, возникавших при каждом соприкосновении с ландшафтом.

Попавшаяся навстречу девочка (рис. 3б-1) увела разговор в сторону внуков и детского питания, что, в свою очередь, заставило вспомнить о корове, содержание которой оказалось невозможным в ситуации, когда из сельского быта ушли стада и пастбища (рис. 3б-2); малозаметные для постороннего взгляда бетонные развалины (рис. 3б-3), среди которых, опутанные электропастухом, паслись овцы, оказались историческим центром деревни:

Инф. з: Ой, тут и кузница у нас была, и МТМ было, и склад был, и гараж тракторный, ниче нету щас... Вот тут клуб был, это клуба остатки. Вот его в семидесятом году построили, вся молодость у нас тут прошла...

Соб.: То есть это был центр, можно сказать?

Инф. з: Это был сам центр.

Нарративной кульминацией прогулки стал магазин (рис. 3b-4). Стоящее на берегу Ирюма беленое здание XIX века оказалось поводом остановиться на несколько минут, обратиться к прошлому этого дома, тесно переплетенному с биографией информантки, к его неясному будущему, к теме деградации речного ландшафта, связанной с упадком местного хозяйства:

Инф. з: «Вот теперь магазин закроют, они его выставляют на продажу. Ну сколько они завернут? Понятно, что не за сто тысяч, не за двести. А больше его, дороже, тут никто и не купит. Во-первых, он стоит на берегу, это здание, раньше берег был... щас она-то, река, подходит, обваливается, ну вот так вот, купи его, он потом рухнет».

Перейдя через мостик, мы прошли по берегу и поднимались вверх, на террасу Ирюма. Разговор снова питался ассоциациями, которые подсказывал ландшафт — осина, заготовленная соседом для бани, стала поводом вспомнить банный фольклор, а отсюда уже перейти к фольклору просто, и в конечном счете к классической сказке о Мальчике-с-пальчик (рис. 3b-5), которую наша собеседница когда-то читала своим внукам в доме, расположенном неподалеку. Расставаясь с нами, информантка посчитала нужным «замкнуть» кольцо путешествия, указав нам наиболее содержательный в смысле впечатлений путь обратно, к началу маршрута: *«А вот сейчас я вам рекомендую по той улице пройти. Вот сейчас вот сюда свернете, вот этот дом посмотрите старинный стоит... и по песочку, и туда, на мостик выйдете прямо».*

Пример 3. Красново — Кирсанова, Исетский район, Тюменская область, 16 июля 2022 года

В ходе восемнадцатиминутного автомобильного путешествия из Красново в Кирсанову наш проводник, молодой человек лет тридцати, представлял нам территорию, используя в качестве отправных точек встречавшиеся на пути места. На карте указаны объекты, ставшие отправными точками наиболее развернутых

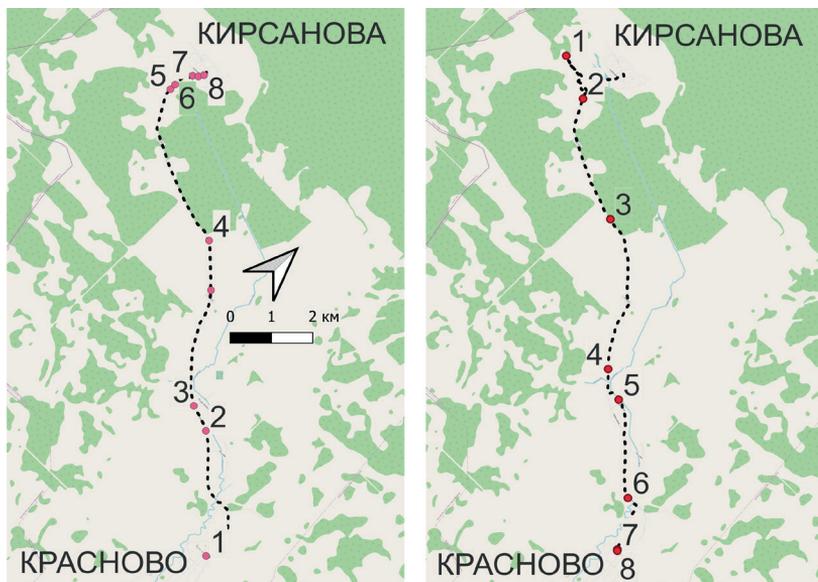

Рис. 4. Маршрут автомобильного путешествия из Красново в Кирсанову и обратно, 16 июля 2022 г.

фрагментов монолога нашего собеседника. Покидая столицу сельского поселения, информант три минуты рассказывал о состоянии сельского поселения в целом (население, площадь земель, градообразующее предприятие) (рис. 4а-1), затем, когда мы въехали в соседнее село, минуту поговорил о нем (рис. 4а-2). После этого он переключился на протекавшую справа реку Бешкилку, посвятив пять минут рассказу о связанных с ней хозяйственных проблемах (рис. 4а-3). На восьмой минуте путешествия, когда мы приближались к строительной площадке агропромышленного предприятия, намеренного обосноваться в районе, последовал монолог, посвященный взаимодействию бизнеса с местным сообществом (рис. 4а-4). На четырнадцатой минуте, когда мы достигли места назначения и въехали в деревню Кирсанову, темы для разговора начали меняться с калейдоскопической скоростью — владения местных фермеров (рис. 4а-5), брошенные дома, представляющие собой юридическую проблему (рис. 4а-6), когда-то стоявшие в деревне строения (рис. 4а-7), ржавеющая техника, которую местные жители берегут на случай, если времена изменятся (рис. 4а-8). Несмотря на то что информант в целом придерживался делового тона и комментировал актуальное состояние ландшафта, эмоционально-окрашенная «историческая» аргументация была лейтмотивом его повествования — поясняя, что происходит в ландшафте здесь и сейчас, он то и дело отсылал к его прошлому, иногда делая видимым фактически уже невидимое.

Инф. 4: «Молзавод проехали, раньше при колхозе был молзавод, там масло делали...» (2:30; здесь и далее тайминг аудиозаписи. — Ф. К.) «Школа-интернат, кирсановские раньше вот в этой учились школе-интернате...» (3:15).

«Она (река Бешкилька. — Ф. К.) идет с Кирсанова, там с болот собирается, там накопитель такой, в Кирсанову, потом идет дальше по каналам мелиорации... В советское время-то хорошо делали эти каналы мелиорации...» (7:49).

«Тут тоже все дома стояли... Сейчас уже [ничего нет]... А вот сама река откуда начинается... Начинается, вдоль берега шлюз, раньше вот здесь труба была, отсюда уходила в старое русло, но обмельчала в прошлом году, в засуху, обмельчала и сразу же травой заросло» (14:35).

«Это лесхоза была сторожка. Разобрали. Также лесхоз-то весь... Раньше лесников-то было восемнадцать человек. Леса-то большие, у нас ведь лесфонд-то очень большой. К Ялutorовску относились, к Заводоуковску, и наши, Исетского района леса... Здесь местных-то лесников нет уже...» (15:45).

Когда, посетив главную местную достопримечательность — часовню над могилой лидера ирюмских двоедан² Мирона Галанина (рис. 4b-1), — мы возвращались обратно, разговор приобрел иную форму. Ехать назад пришлось тем же самым маршрутом, мы уже все видели, поэтому наш собеседник больше не считал нужным представлять нам встречавшиеся на пути детали ландшафта, но с нашей подачи распространялся на более широкие темы, рассказывая о депопуляции (рис. 4b-2), вызванной технологической реструктуризацией агропрома, собственной профессиональной биографии (рис. 4b-3), проблемах образования на селе (рис. 4b-4) и т.п. Связь нарратива с ландшафтом тем не менее не исчезла — однако, если на пути туда попадавшие по дороге места порождали (провоцировали) следовавшие за тем темы, то на пути обратно, наоборот, темы предшествовали местам, использовавшимся в качестве подворачивавшихся под руку аргументов той или иной мысли. Например, когда наш собеседник коснулся темы ремонта, навстречу как нельзя кстати явился недавно отремонтированный мост (рис. 4b-5), в связи с чем был рассказан анекдот на соответствующую тему:

Инф. 4: «Вот... мост сделали, деревянный... Почему деревянный, спрашиваю, вон же есть ферма, бетон оттуда можно взять,

2. Старообрядцы.

плиты взять, просто накидать и сделать, зато бетонный... [А мне отвечают, что] документы переделывать с деревянного на бетонный — дороже, чем этот мост построить заново. Ну, понятно...»

Тем не менее и в этом случае продолжала использоваться упомянутая выше «историческая» аргументация. Попавшийся навстречу прохожий становился поводом поговорить о деревенском пьянстве (рис. 4b-6). Развивая тему домашнего скота как феномена, практически исчезнувшего из новой аграрной экономики, информант указывал на проплывавшие мимо окна сельских домов: *«Раньше вот на все эти дома было по две коровы, два быка, барана... два стада гоняли. Сейчас во многих домах ни у кого нету коровы...»* (рис. 4b-7). Говоря о повышении цен на недвижимость, восклицал, используя показавшийся навстречу дом: *«В 2007 году вот такие дома заброшенные можно было купить за материнский капитал молодой семье... А сейчас цены! Вот этот вот — за восемьсот тысяч продали!»* (рис. 4b-8). Прозрачный ландшафт прошлого, о котором нужно было поведать новым людям, оставался важной частью сообщения и на пути обратно.

Заключение

Зачем изучать такие вещи, как «призраки» сельского ландшафта? Вышеописанный эпизод полевой практики, близкий тому, что в работах шанинского крестьяноведения называется «социально-пространственной картиной села» (Виноградский и др., 2002), — часть поиска, осуществляемого в рамках программы исследований повседневного культурного ландшафта, которая во многом обязана открытиям постфеноменологической традиции исследований места в современных географии и антропологии (Lorimer, 2019: 332-333). Для этой традиции характерно внимание к деталям, ускользающим при применении обычных подходов, например, к аффектам, создающим фон жизни в повседневном ландшафте, и связанная с этим тенденция к обновлению языка географического описания, в частности интерес к другим регистрам познания, помимо интеллектуального, к телесно-воплощенному опыту и эмоциям, отказ от жестких интерпретационных рамок, повествовательный импрессионизм и эссеистичность (Stewart, 2007; Wylie, 2009; DeSilvey, 2012). Все эти техники, в общем, направленные на приостановку привычного восприятия, остранение, включение в исследовательское зрение того, что обычно остается на периферии конвенциональных подходов, крайне важны в поле, особенно в пространствах трансформаций, которым трудно дать однозначную оценку.

«Призраки» сельского ландшафта — характерная деталь и символическое воплощение именно такой трансформации. Сокращение и поляризация системы расселения, которую сложно описать в категориях однозначного социального зла или однозначного блага (Аверкиева и др., 2021: 28-29), — это процесс, обнаруживающий связанность двух обычно противопоставляемых полюсов обитаемого ландшафта — депопулирующего аграрного и растущего городского. «Сознательно замечать оставленное и исследовать такие места, значит добавлять важный второй план к нашим перенасыщенным и перенасыщенным населенным пространствам. Познание оставленного — это познание населенного» (Armstrong, 2020: 520). Внимание к этой стороне ландшафта тем более важно, что он последовательно оказывается в тени современных репрезентаций страны. Так, в основании ориентированной на развитие крупнейших агломераций стратегии пространственного развития РФ 2019 года лежит принимаемый по умолчанию тезис об общемировой тенденции к концентрации населения в крупных и крупнейших городах. «Крупные и крупнейшие городские агломерации» (так!) появляются в этом документе не менее 56 раз, в то время как «сельские территории и населенные пункты» — 13, а «малые и средние города» — всего лишь 5 раз.

За очарованностью крупными и крупнейшими «перспективными экономическими центрами» скрывается определенная идеология, характерная не только для России. Отмечая, что сведение всего процесса урбанизации к проблеме развития крупных и крупнейших экономических центров является принимаемой по умолчанию отправной точкой системы представлений, рожденной не непредвзятым анализом, но гегемоническим социально-политическим дискурсом нелиберального капитализма, Н. Бреннер призывает обратить внимание на две важные вещи. Во-первых, то, что является в этой картине мира не-городами (non-cities), т. е. природа, сельская местность, хинтерланд и другие, как он выражается, «deskriptivные» категории терминологии пространственного развития, в современных условиях не выступает оппозицией городу, но становится стратегически важной областью капиталистической урбанизации. Во-вторых, помимо агломераций, процесс урбанизации постоянно производит еще один тип земной поверхности, трансформируя не-городские пространства в зоны высокоинтенсивной крупномасштабной промышленной инфраструктуры — Бреннер называет его операционными ландшафтами (operational landscapes), находящимися за пределами агломераций, но систематически переоборудованными для нужд городской экономики (Brenner, 2016: 219-220). Как выясняется, в дискуссиях о судьбе и перспективах трансформации таких операционных ландшафтов даже аграрные ландшафты, на протяжении многих лет обрабатывавшиеся при помощи индустриальных методов сельского хозяйства, систематически оказываются в тени «настоящих» постиндустриаль-

ных ландшафтов, не получая должного внимания (Turner, Rice, 2021: 144-146). Не правильнее ли избегать жестких противопоставлений, описывать «город» и «деревню» и, например, урбанизацию как таковую, как территориальный градиент, процесс, происходящий повсюду и не завершающийся нигде? Когда мы не говорим о связях и взаимном обмене между провинцией и центрами — а именно это умолчание скрыто в языке вышеупомянутой стратегии — мы создаем контрасты, поляризацию, депопуляцию одних мест и гиперконцентрацию населения в других.

Ключевым, пожалуй, является проистекающий из такого восприятия аспект социальной «невидимости», или, точнее, «искаженной видимости» сельских ландшафтов и сообществ, на который обращает внимание А. Форбруг в работе о медленном насилии (Форбруг, 2020: 36-38). В этой статье, как и в книгах Р. Никсона и Э. Повинелли (Nixon, 2011; Povinelli, 2011), к которым она восходит в смысле теории, обсуждаются искажения, возникающие в связи со специфическими моделями репрезентации ландшафтов и сообществ, «иррациональных» с точки зрения неолиберальной экономики. «У нас нет социального рецепта (social recipe) того, что с нею делать, и мы даже не знаем, куда девать глаза, столкнувшись с нею лицом к лицу», — замечал один автор, говоря о бездомности (Stewart, 2007: 60). № Должен ли я оплакивать это место, хотя никогда в нем не жил», — писал другой (Armstrong, 2020: 519), ощущая знакомую любому полевому исследователю симпатию к открывающемуся перед ним староосвоенному ландшафту. Невозможность сразу выдать «под ключ» новый, более адекватный социальной реальности и, может быть, более справедливый, язык их описания не означает, что такие попытки не должны предприниматься (Povinelli, 2011: 191-192).

Кроме этических последствий такой постановки вопроса, всегда бывают и вполне практические исследовательские последствия. Хотя «призрачность» как проекция длительной человеческой вовлеченности в ландшафт повсеместна (Edensor, 2008), знание о заросших травой «призраках» конкретной сельской улицы способствует более глубокому пониманию всего местного контекста. Например, пышная растительность на местах исчезнувших зданий как таковая — тоже признак перемен, происходящих с деревенским ландшафтом. Наши информанты часто связывали ее с исчезновением из повседневности личного пастбищного скота, выпас которого задавал коллективные ритмы жизни и «автоматически» решал самую заметную проблему современного сельского благоустройства — не позволял улицам зарастать. Трава на улицах требует расходов на бензин, газонокосилку и ее оператора, приносит в быт прежде невиданных на собственном огороде клещей и обременяет каждого землепользователя (участок, заросший травой, — главный критерий неэффективного использования территории), вынужденного заниматься газонокосением несколь-

ко раз за лето. Отсутствие травы на улицах, с точки зрения сельских администраторов, — такой же признак благополучия села, как асфальт, уличное освещение и своевременная уборка снега. То, что раньше происходило как бы «естественно», теперь ложится на их плечи, им приходится «палкой или пряником» побуждать поселян к устранению травяного покрова.

Умение видеть «*призраков*» — один из неочевидных навыков, необходимых для исследователя культурного ландшафта. Сценарии мобильных интервью, отражающие реалии быта малых поселений, отдающих перспективное население крупным, как правило, повторяются — мы начинали наши путешествия с Дома культуры не только в Ситниково и Лобановой, но и в крайне непохожих на них Лайтамаке, Асбесте и Двуреченске, посетили в качестве дестинаций множество градообразующих предприятий, школ и мемориалов, а в конце обычно возвращались на место отправления. Однако потребовалось некоторое время, чтобы осознать, насколько важна для этих маршрутов их невидимая сторона — слабо выраженные в материальности ландшафта, но живые в памяти наших информантов места, люди и строения.

Библиография

- Аверкиева К. В. и др. (2021). Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / Сост. и науч. ред. Т. Г. Нефедова, ред. А. В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Баскин Л. М., Покровский Н. Е., Николаева У. Г. (2022). Социология по земле пешком и с высоты полета квадрокоптера. Сельские дома и деревенская жизнь Ближнего Севера России (на примере Костромской области) // Крестьяноведение. Т. 7. № 4. С. 72-108.
- Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Пряникова Е. В. (2019). Пешеходное интервью: структура и жанры // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 4-21.
- Виноградский В., Ковалёв Е., Шанин Т. (2002). Вопросник «Социально-пространственная картина села» // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН. С. 430-436.
- Гирц К. (2017). Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев / Пер. Е. М. Лазарева. М.: Ad Marginem Press.
- Каганский В. Л. (2020). Очерк феноменологии культурного ландшафта // Одушевленный ландшафт. СПб.: Алетейя. С. 26-51.
- Корандей Ф. С., Абрамов И. В., Костомаров В. М., Черепанов М. С., Шелудков А. В. (2021). Провоцирующие ландшафты: исследования повседневных культурных ландшафтов периферии агломераций // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (54). С. 247-257.
- Митин И. И. (2022). Место и безместье в ментальной картографии: На пути к гуманистическим ГИС? // Воображаемые картографии: Карта и географическое воображение в истории и культуре. Материалы междисциплинарной научной конференции (Москва, 8–9 декабря 2022 г.). М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 107-113.
- Нефедова Т. Г. (2021). Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. Т. 6. № 1. С. 126-154.

- Фадеева О., Быстров Е., Збанацкий О., Шелудков А. (2021). Родные земли: очерки трансформации земельных отношений в России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники». Common Place.
- Форбруг А. (2020). Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. Т. 5. № 1. С. 31-52.
- Шелудков А., Старикова А. (2021). Между городом и деревней: как горожане меняют сельскую местность и как это увидеть из космоса. Лекция в библиотеке им. Ф. М. Достоевского, Москва, 1.12. <https://www.youtube.com/watch?v=Е3AqytkHEw>
- Anderson J. (2004). Talking whilst walking: A geographical archaeology of knowledge // Area. Vol. 36(3). P. 254-261.
- Armstrong J. (2020). In the presence of absence: Meditations on the cultural significance of abandoned places // The Routledge Handbook of Place / Ed. by T. Edensor, A. Kalandides, U. Kothari. Abingdon, New York: Routledge. P. 518-527.
- Brenner N. (2016). Critique of Urbanization: Selected Essays. Berlin: Bauverlag Gütersloh; Bazel: Birkhäuser.
- Cresswell T. (2019). Maxwell Street. Writing and thinking place. Chicago: University of Chicago Press.
- DeSilvey C. (2012). Copper Places: Affective Circuitries // Geography and Memory: Explorations in Identity, Place and Becoming / Ed. by O. Jones and J. Garde-Hansen. London: Palgrave Macmillan. P. 45-57.
- Edensor T. (2008). Mundane hauntings: commuting through the phantasmagoric working-class spaces of Manchester, England // Cultural Geographies. Vol.15 (5). P. 313-333.
- Evans J., Jones P. (2011). The walking interview: Methodology, mobility and place // Applied Geography. Vol. 31. P. 849-858.
- Frers L. (2013). The matter of absence // Cultural Geographies. Vol. 20(4). P. 431-445.
- Geertz C. (1996). Afterword // Senses of Place / Ed by. S. Feld, K. H. Basso. Santa Fe: School of American Research Press. P. 259-262.
- Hill L. (2013). Archaeologies and geographies of the post-industrial past: landscape, memory and the spectral // Cultural Geographies. Vol. 20(3). P. 379-396.
- Holloway J., Kneale J. (2008). Locating haunting: a ghost-hunter's guide // Cultural Geographies. Vol. 15(3). P. 297-312.
- Ingold T. (2011). Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description. London, New York: Routledge.
- Ingold T. (2000). The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London: Routledge.
- Ingold T., Vergunst J. L. (2006). Fieldwork on Foot: Perceiving, Routing, Socializing // Locating the Field: Space, Place and Context in Anthropology / Ed. by S. Coleman, P. Collins. Oxford, New York: Berg. P. 67-86.
- Ingold T., Vergunst J. L. Introduction (2008) // Ways of walking: Ethnography and practice on foot / Ed. by T. Ingold, J. L. Vergunst. London: Ashgate. P. 1-19.
- Kusenbach M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool // Ethnography. Vol. 4(3). P. 455-485.
- Lorimer H. (2019). Dear departed: writing the lifeworlds of place // Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 44(2). P. 331-345.
- Macpherson H. (2006). Walking methods in landscape research: moving bodies, spaces of disclosure and rapport, Landscape Research. Vol. 41 (4). P. 425-432.
- McDonald S. (2005). Studying actions in context: A qualitative shadowing method for organizational research // Qualitative Research. Vol. 5(4). P. 455-473.
- Nixon R. (2011) Slow Violence and the Environmentalism of the Poor, Cambridge: Harvard University Press.
- Povinelli E. A. (2011). Economies of Abandonment: Social Belonging and Endurance in Late Liberalism, Durham: Duke University Press.

- Relph E. (1976). *Place and Placelessness*. London: Pion Limited.
- Stewart K. (2007). *Ordinary Affects*. Durham and London: Duke University Press.
- Tuan Y.-F. (1979). *Space and Place: Humanistic Perspective // Philosophy in Geography. Theory and Decision Library*. Vol. 20 / Ed. by S.Gale, G. Olsson. Dordrecht: Springer. P. 387–427.
- Tyner J. A., Rice S. (2021). *Agrarian ruins of the Khmer Rouge: the post-industrial landscapes of a rural economy // Geographies of Post-Industrial Place, Memory, and Heritage / Ed. by M. F. Rhodes II, W.R. Price, A. Walker*. London, New York: Routledge. P. 141–157.
- Upton D. (1997). *Seen, Unseen, and Scene // Understanding Ordinary Landscapes / Ed. by P. Groth, T. W. Bress*. New Haven, London: Yale University Press. P. 174–179.
- Westphal B. (2007). *La Géocritique. Réel, fiction, espace*. Paris: Minuit.
- Wylie J. (2009) *Landscape, absence and the geographies of love // Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 34 (3). P. 275–289.

Rural wastelands: Places of belonging and “ghosts” cartography of the rural depopulation landscape

Fedor S. Korandei, PhD (History), Senior Researcher, Laboratory of Historical Geography and Regional Studies, Tyumen State University. Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003. E-mail: f.s.korandej@utmn.ru

Abstract. The interpretation of the walking interviews, which were conducted in the rural Iset Region in the summer of 2022, allowed the author to identify “places of belonging” (Yi-Fu Tuan’s term) in the rural depopulation landscape, which are hardly noticeable to any external observer but are extremely important for local residents. The author uses the post-phenomenological optics of social sciences, which defines the cultural everyday landscape as a single process of mutual transformation that generates both personal experience and forms of sociality. The second theoretical basis of the article is the cultural geography works on the connections between everyday landscape and human memory, in particular the “ghosts geography”, and the thin line between the present and the absent in both everyday landscapes and narratives about them. The author’s method is walking interviews with local residents in open areas. The article aims at showing the possibilities of the simultaneous transcription and subsequent mapping of the walking interviews’ archives. The cases considered in the main part of the article focus on the structuring role of “places of belonging” in the standard narrative. As walking interviews show, it is the presentation of local places to a newcomer as important for the daily life of local people but hardly noticeable to outsiders that forms the basis of the typical go-along narratives. Thus, places out of active everyday use but with great emotional and vital significance for local communities acquire the status of “ghosts” — fragments of the past involved in the today’s life of the depopulating rural settlement.

Key words: “places of belonging”, walking interviews, place, rural depopulation, everyday cultural landscape, “ghosts” geography, cultural geography, social anthropology

Acknowledgements

I am grateful to Oksana Fomina, the Head of the Iset District Department, and all my informants for their invaluable help in my field work, and to the anonymous reviewers for their comments and suggestions.

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-05-00592 A.

References

- Anderson J. (2004) Talking whilst walking: A geographical archaeology of knowledge. *Area*, vol. 36, no 3, pp. 254–261.
- Armstrong J. (2020) In the presence of absence: Meditations on the cultural significance of abandoned places. *Routledge Handbook of Place* (Ed. by T. Edensor, A. Kalandides, U. Kothari), Abingdon–New York: Routledge, pp. 518–527.
- Averkueva K. V. et al. (2021) *Staroosvoennye rayony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost* [Old-Developed Regions in the Space of Russia: History and Contemporaneity], Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK.
- Baskin L. M., Pokrovsky N. E., Nikolaeva U. G. (2022) Sotsiologiya po zemle peshkom i s vysoty poleta kvadrokoptera. Selskie doma i derevenskaya zhizn Blizhnego Severa Rossii (na primere Kostromskoy oblasti) [Sociology on foot and from quadcopter. Rural households and village life in the Near North of Russia (on the example of the Kostroma Region)], *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 4, pp. 72–108.
- Brenner N. (2016) *Critique of Urbanization: Selected Essays*, Berlin: Bauverlag Gütersloh; Bazel: Birkhäuser.
- Cresswell T. (2019) *Maxwell Street. Writing and Thinking Place*, Chicago: University of Chicago Press.
- DeSilvey C. (2012) Copper places: Affective circuitries, *Geography and Memory: Explorations in Identity, Place and Becoming* (Ed. by O. Jones, J. Garde-Hansen), London: Palgrave Macmillan, pp. 45–57.
- Edensor T. (2008) Mundane hauntings: Commuting through the phantasmagoric working-class spaces of Manchester, England. *Cultural Geographies*, vol. 15, no 5, pp. 313–333.
- Evans J., Jones Ph. (2011) The walking interview: Methodology, mobility and place. *Applied Geography*, vol. 31, pp. 849–858.
- Fadeeva O., Bystrov E., Zbanatsky O., Sheludkov A. (2021) *Rodnye zemli: ocherki transformatsii zemelnykh otnosheniy v Rossii* [Native Lands. Essays on the Transformation of Land Relations in Russia], Moscow: Khamovniki Fund for Social Research, Common Place.
- Frers L. (2013) The matter of absence. *Cultural Geographies*, vol. 20, no 4, pp. 431–445.
- Geertz C. (1996) Afterword, *Senses of Place* (Ed. by S. Feld, K. H. Basso), Santa Fe: School of American Research Press, pp. 259–262.
- Geertz C. (2017) *Glubokaya igra: Zametki o petushinyh boyah u baliytsev* [Deep Play: Notes on the Balinese Cockfight], Moscow: Ad Marginem Press.
- Hill L. (2013) Archaeologies and geographies of the post-industrial past: Landscape, memory and the spectral. *Cultural Geographies*, vol. 20, no 3, pp. 379–396.
- Holloway J., Kneale J. (2008) Locating haunting: A ghost-hunter's guide. *Cultural Geographies*, vol. 15, no 3, pp. 297–312.
- Ingold T. (2011) *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description*, London–New York: Routledge.
- Ingold T. (2000) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*, London: Routledge.
- Ingold T., Vergunst J. L. (2006) Fieldwork on foot: Perceiving, routing, socializing, *Locating the Field: Space, Place and Context in Anthropology* (Ed. by S. Coleman, P. Collins), Oxford–New York: Berg, pp. 67–86.

- Ingold T., Vergunst J. L. (2008) Introduction. *Ways of Walking: Ethnography and Practice on Foot* (Ed. by T. Ingold, J. L. Vergunst), London: Ashgate, pp. 1–19.
- Kagansky V. L. (2020) Oчерk fenomenologii kulturnogo landshafta [Essay on the phenomenology of the cultural landscape]. *Odushevlyenny landshaft* (Ed. by A. S. Belorusets, S. V. Berezin), Saint Petersburg: Aleteya, pp. 26–51.
- Korandey F. S., Abramov I. V., Kostomarov V. M., Cherepanov M. S., Sheludkov A. V. Provot-siryushchie landshafty: issledovaniya povsednevnyh kulturnyh landshaftov periferii aglomeratsiy [Provocative landscapes: A study of everyday cultural landscapes on the outskirts of agglomerations]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, vol. 3, no 54, pp. 247–257.
- Kusenbach M. (2003) Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, vol. 4, no 3, pp. 455–485.
- Lorimer H. (2019) Dear departed: Writing the life worlds of place. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 44, no 2, pp. 331–345.
- Macpherson H. (2016) Walking methods in landscape research: Moving bodies, spaces of disclosure and rapport. *Landscape Research*, vol. 41, no 4, pp. 425–432.
- McDonald S. (2005) Studying actions in context: A qualitative shadowing method for organizational research. *Qualitative Research*, vol. 5, no 4, pp. 455–473.
- Mitin I. I. (2022) Mesto i bezmestie v mentalnoy kartografii: Na puti k gumanisticheskim GIS? [Place and placelessness in mental maps: Towards the humanistic GIS?]. *Voo-brazhaemye kartografii: Karta i geograficheskoe vobrazhenie v istorii i kulture* (Ed. by D. N. Zamyatin, I. G. Konovalova), Moscow: Institute of World History RAS, pp. 107–113.
- Nefedova T. G. (2021) Polyarizatsiya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva i perspektivy selskoy mestnosti v staroosvoennyh regionah Tsentra Rossii [Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 1, pp. 126–154.
- Nixon R. (2011) *Slow Violence and the Environmentalism of the Poor*, Cambridge: Harvard University Press.
- Povinelli E. A. (2011) *Economies of Abandonment: Social Belonging and Endurance in Late Liberalism*, Durham: Duke University Press.
- Rolph E. (1976) *Place and Placelessness*, London: Pion Limited.
- Sheludkov A., Starikova A. (2021) Mezhdou gorodom i derevney: kak gorozhane menyayut sel-skuyu mestnost i kak eto uvidet iz kosmosa [Between the city and the village: How city dwellers change the countryside and how to see this from space]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E3AqytkHEw>.
- Stewart K. (2007) *Ordinary Affects*, Durham–London: Duke University Press.
- Tuan Y.-F. (1979) Space and place: Humanistic perspective. *Philosophy in Geography. Theory and Decision Library*, vol. 20 (Ed. by S. Gale, G. Olsson), Dordrecht: Springer, pp. 387–427.
- Tyner J. A., Rice S. (2021) Agrarian ruins of the Khmer Rouge: The post-industrial landscapes of a rural economy. *Geographies of Post-Industrial Place, Memory, and Heritage* (Ed. by M. F. Rhodes II, W. R. Price, A. Walker), London–New York: Routledge, pp. 141–157.
- Upton D. (1997) Seen, unseen, and scene. *Understanding Ordinary Landscapes* (Ed. by P. Growth, T. W. Bress), New Haven–London: Yale University Press, pp. 174–179.
- Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2019) Peshekhodnoe interviyu: struktura i zhanry [Go-along interview: Structure and types]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, vol. 4, pp. 4–21.
- Vinogradsky V., Kovalev E., Shanin T. (2002) Voprosnik “Sotsialno-prostranstvennaya kartina sela” [Guide “Social-Spatial Picture of the Village”]. *Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovaniy selskoy Rossii* (Ed. by T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov), Moscow: MSSSES, ROSSPEN, pp. 430–436.

- Vorbrugg A. (2020) Etnografii medlennogo nasiliya: issledovanie posledstviy razrusheniya selskoy infrastruktury [Ethnographies of slow violence: Studying the effects of rural disintegration]. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 1, pp. 31–52.
- Westphal B. (2007) *La Géocritique. Réel, fiction, espace*, Paris: Minuit.
- Wylie J. (2009) Landscape, absence and the geographies of love. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 34, no 3, pp. 275–289.